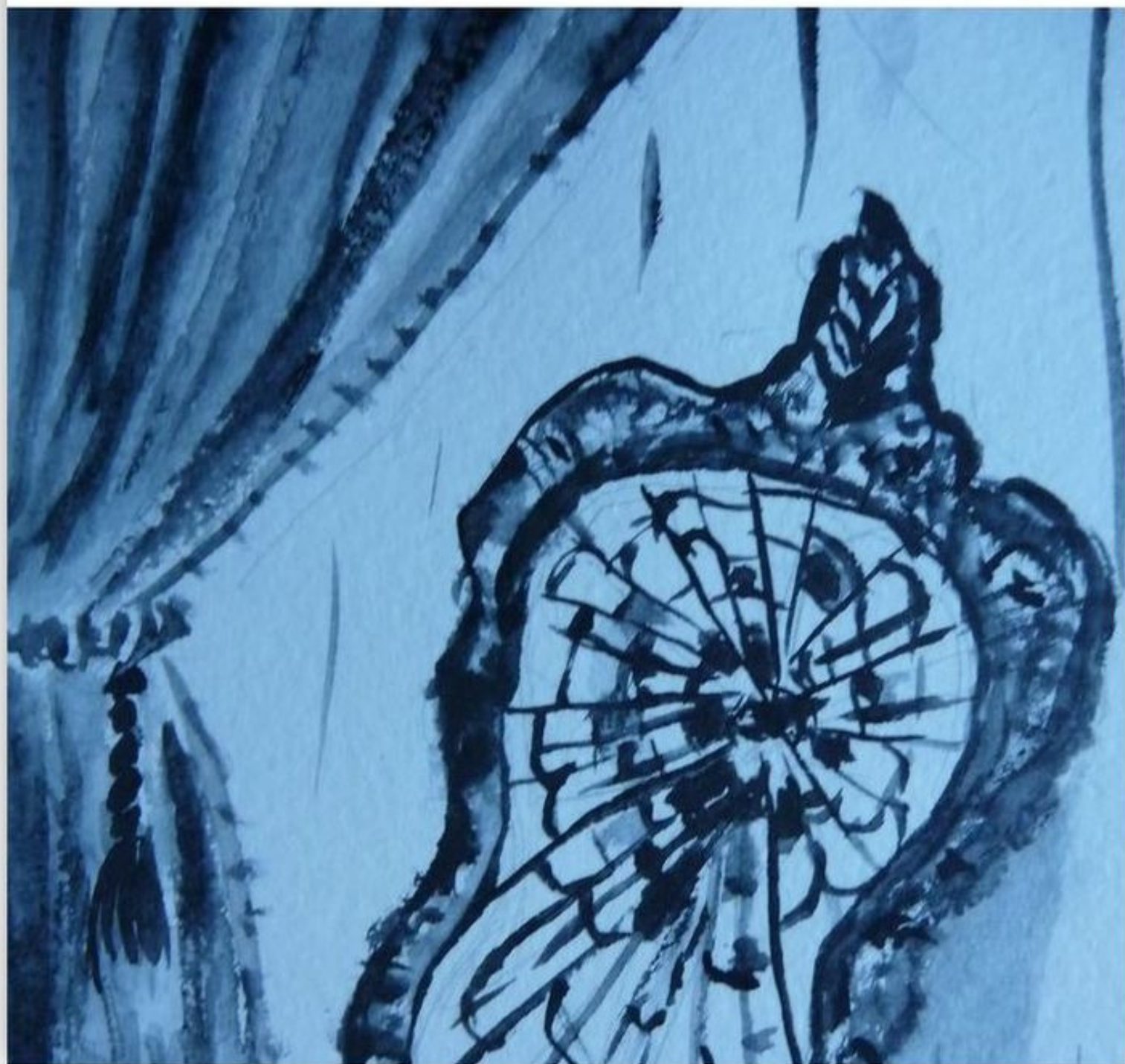

18+

Ольга Покровская

Ночной приятель

Ольга Покровская
Ночной приятель

«Издательские решения»

Покровская О. В.

Ночной приятель / О. В. Покровская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515712-6

Повесть, написанная в стилистике готического романа, сюжет которой выстраивает появление в одном из уездных городов России 20-х годов прошлого века человека в облике недавно покончившего с собой Сергея Есенина. Действующие лица: молодой служащий, девушка-библиотекарь, глава администрации города, чекист, кухарка-домработница, председатель сельсовета и другие, ну и, разумеется, являющийся перед героями повести по ночам «Сергей Есенин».

ISBN 978-5-00-515712-6

© Покровская О. В.
© Издательские решения

Ночной приятель

Ольга Покровская

© Ольга Покровская, 2020

ISBN 978-5-0051-5712-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночь подбиралась к городу с окраин. Пока на центральных улицах, выстроенных в безупречный фронт, еще белели особняки и бывшие доходные дома, избытые закоулки утонули в темноте, словно накрытые периной, через которую не проникают ни лучи, ни звуки. Редкие огоньки мерцали в окошках за заборами, среди садовых веток, и иногда спросонок рычали потревоженные в бдительной дреме собаки. Библиотекарша Ася, вернувшись в закуток, который снимала у квартирной хозяйки, вскипятила чайник и грела у его закопченных боков руки, озябшие, пока она пробиралась кривыми ходами мимо огородов вдоль реки. Ее порядком утомил хлопотливый день, а вечером еще задержали двое посетителей, впившиеся в книги, которые она им выдала, как очумелые оводы, и всячески валявшие дурака, прикидываясь, что поздний час их не касается, когда пришла пора закрывать читальню. Один – лопухий парень с лихорадочными глазами, потребовал том Маркса и судорожно шелестел страницами, вгрызаясь в экономическую науку, пока Ася поневоле забавлялась, как витражами светятся в закатных лучах его оттопыренные уши. Второй был аккуратный, в вычищенных сапогах, дядечка лет сорока; он набрал множество брошюрок и монотонно перекидывал нескончаемые листы, записывая что-то бисерным подчерком в тетрадку и закусывая линияль, продымленный махоркой ус. Время текло медленно, и Ася, досадуя на огорчительную заминку и торопя время, думала, что все равно к ней вечером придет в гости Ваня – Ванюша, как называли его знакомые и даже его начальник, рыхлый и грустный председатель орготдела товарищ Штосс. Что они будут пить чай с сухарями и пойдут гулять и что Ванюша, наверное, уже освободился от службы, которой товарищ Штосс не сильно загружал подчиненного. Настырные читатели просидели почти до темноты и потом, словно опомнившись, разом поднялись и вышли из библиотеки.

Ася пригrelась у чайника и замечталась под шорохи и потрескивание половиц. Со стуком, крикнув, упало яблоко за окном, и она вспомнила, что надо принести воды. Было еще не поздно, но за мутными, засиженными мухами стеклами висела слепая чернота. Подоконник замело порошей из сухих насекомых. Тоска и бездомность, мучившие усталую Асю в промозглые и беспросветные вечера, изводили ее сегодня особенно сильно. Нехотя подавив дурные мысли, она вздохнула и сделала усилие, чтобы подняться, накинуть полушалок, нашарить в сенях ведро и выйти во двор.

Она вздрогнула, почуввав в темноте чужое дыхание, но тут же с облегчением распознала квартирную хозяйку, которая грызла семечки на завалинке, болтая ногами в плотных хлопчатобумажных чулках.

– К колодцу? – спросила хозяйка, отплевываясь. На лоснящееся лицо падал жидкий свет из окошка. – А я в курятник выходила. Кудахчут, думала – хорек залез, а это пестрая с насеста свалилась. Малохольная – сдохнет, что ли...

И, словно подтверждая ее слова, в курятнике ошалело заклокотали.

Ася почти подошла к калитке, когда хозяйка позвала в спину:

– Аськ, а правда, на Введенской покойника похоронят?

– Не покойника, а героя, красноармейца из продотряда, – объяснила Ася. – Его бандиты забили... сейчас тело нашли. Похоронят с почестями, сквер разобьют, памятник будет... еще переименуют площадь, будет Степана Горшкова...

Ей отчего-то представилось, как неуютно будет вечерами ходить через площадь, словно по кладбищу, но она засовестилась, что поддается поповским суевериям.

– Чудно, – бросила хозяйка. – Власть... как не люди, – из ее крупного рта вылетел плевок подсолнечной лузги.

Скрипнула покосившаяся калитка, и, словно в ответ, из пруда подала голос жаба, запоздавшая с брачными играми. Внизу, у реки, белел прозрачный туман, растекаясь по прибрежным кустам, как снятое молоко. Месяц затягивала дымка. Пахло грибами, фруктовой брагой и печным дымом. Вдоль канавы синели зловещие свечки люпинов. Подойдя к колодцу, Ася чиркнула спичкой, чтобы не поскользнуться на прелых, тронутых тиной досках. Плеснуло ведро; возясь с воротом, Ася не услышала тихих шагов и испугалась, когда рядом в почти танцевальном па мелькнула фигура.

– Гражданка! – каркнул в темноте хриплый голос. – Как пройти на Введенскую?

Ася снова чиркнула спичкой и поразилась, что вместо грубого и неказистого, как подразумевал вульгарный тембр, лица в отсвете пламени блеснули золотые, ухоженные, переливчатые, словно елочная мишура, волосы.

– Погаси... дура! – закричал незнакомец, отворачиваясь.

Он ловко, гимнастическим ударом пнул ведро, так что Ася едва успела отпрыгнуть в сторону от хлынувшей ей на ноги воды, и исчез, словно провалился сквозь землю, оставив библиотекаршу в столбняке. Она даже не сразу подобрала опрокинутое ведро, которое катнулось по мокрой глине полукругом и съехало в ямку. В видении, поразившем Асю как гром среди ясного неба, не было не только логики, но и вообще какой-либо шаткой основы, полагающейся на органы чувств. Это была лишь догадка; но беспричинное наитие убеждало Асю сильнее, чем если бы она разглядела незнакомца в подробностях.

– Нет... – проговорила она, призывая себя не сходить с ума. – Этого не может быть...

Мельком увиденный – угаданный, извлеченный из мрака силой фантазии – человек так поразил ее, что она не заметила, как в темноте, по рытвинам и колдобинам убогого переулка вернулась в дом и села на лавку, осознавая странное озарение, мелькнувшее перед ней ослепительно, как молния. Сердце колотилось, словно с него сорвало тормоз; Ася, урезонивая себя, прижала ладони к пылающему от восторга лицу – она была уверена, что без ошибки, шестым чувством узнала прохожего, даже не разглядев его черт и приблизительно не оценив внешности: какого роста, во что одет, что за сорта человек. Убеждение, что она открыла сногшибательную тайну, настолько потрясло ее, что разум пасовал перед ликующим экстазом, который она еле смирляла: у нее давно, никак не исцеляясь, еще болела рана, причиненная необъяснимой смертью поэта, которого Ася нежно любила и чьи стихи любила повторять, изнывая от сиротства, затерянная и забытая в чужом городе, куда ее направили, когда она закончила курсы. Да разве она одна? Не далее, как вчера в ее библиотеке сидела некрасивая, угрюмая девушка со скошенным подбородком и, сморщив лоб от натуги, переписывала в тетрадь рифмованные строчки. И Ася еще таила в душе болезненное недоумение, даже несмелую обиду на поэта: как же так? Ведь страшные годы с разрухой, болезнями и голодом остались позади, в замиренной стране постоянно что-то делается, что-то строится, что-то планируется, в общем – кипит созидательная работа. Как получилось, что теперь, когда можно спокойно творить, – лучший, любимейший, самый знаменитый русский поэт покончил с собой? Несообразность исхода подсознательно мучила Асю все время, что прошло с трагической даты, – но теперь ей случайно, счастливой оказией явилась истина. Конечно, он не умер – не мог умереть. Ее обманули – но, видно, это был потребный обман, раз государство поддержало эту сказку и газеты послушно повторили то, чего не могло быть.

Ася сразу, захлебываясь от нетерпения, поделилась открытием с Ванюшей, который не замедлил явиться вовремя, но тот – дремучий, медлительный, здоровый парень с чугунной челюстью, детским носиком и телячьими глазками – не разделил ее восторгов. Он вообще был далек от книжных удовольствий.

– Некролог печатали, – проговорил он рассудительно. – Зачем партии и правительству граждан обманывать? Тебе почудилось...

Ванюша был недоверчив, и Асю тронул его непрошибаемый скептицизм, над которым она посмеялась про себя. Ванюша доверял только зрению, слуху и обонянию.

Обоняние у него было первостатейное. Когда Ася вывела кавалера на прогулку, то, открывая калитку, он потянул носом и сообщил с бдительным видом:

– Горит, что ли, где...

Кто-то протопал мимо по улице, и Ванюша повторил громче, обращаясь в темноту:

– Горит, что ли?..

– Пожар! – охотно бросил в ответ некто невидимый. – Кажется, в доме Таганова!..

Так горожане по привычке называли капитальный лабаз на бывшей Почтовой улице, где купец Таганов до революции держал весьма популярный в городе магазин с пекарней и где во время оно продавались знаменитые на всю округу калачи.

Ванюша недовольно засопел.

– Надо пойти, – пробурчал он. – Если что-то серьезное, Исайя Алексеевич спросит. Ты не ходи – затопчут...

Выдав девушке ценные указания, Ванюша тут же покинул Асю и зашагал к центру. Выйдя из переулочка, он заметил, что над бульваром висит медная шапка зарева. Дымом пахло уже отчетливо. Конечно, Ванюша знал, что Исайя Алексеевич – его начальник, товарищ Штосс – вряд ли лично явится на заурядный инцидент, где пристало находиться лишь исполнителям рядового звена и праздным зевакам, но он понимал также, что любой пожар какнибудь обязательно скажется на работе их орготдела, и хотел быть во всеоружии: товарищ Штосс наверняка оценил бы по достоинству рвение подчиненного, который держит руку на пульсе. У вросшего в землю, кряжистого здания с исполинскими стенами – не зря в одном крыле, где имелись неподъемные засовы и железные решетки, помещалась милиция – уже занималась крыша. Морковное пламя выбрасывало в воздух клубы густого, ржаво-грязного дыма. Вокруг уже собралась взбудораженная, охочая до зрелища, но довольно бездеятельная толпа; по воздуху зигзагами летали бумаги, вынесенные тягой со второго этажа. Кто-то пробежал мимо Ванюши к окну, размахнулся и метнул на стену воду из ведра; влажный язык лизнул штукатурку и растаял бесследно. Лопнуло стекло, и женщина в косынке завизжала. Какой-то человек появился на крыше, видимо, еще целой.

– Уходи, уходи! – закричали смельчаку зрители и замахали руками.

Пожарные развернули брандспойт, и водяная струя ударила в стену.

– Там живой! – раздался истошный крик, и Ванюше тоже показалось, что в глубине дома, за окутанной дымом решеткой отчаянно задрогался гибкий силуэт, словно заметалась в корчах большая кошка. Но пожарные смотрели вверх и, пока неторопливый Ванюша шарил глазами по сторонам, какой-то человек опрокинул на себя ведро, накрылся полый пиджака и бросился в дверное сопло, тут же с воем вздыбившее за смельчаком пламя до потолка. Толпа заголосила и задергалась; прибежал из-за угла пожарный, но, встретив выхлоп дыма, запнулся на пороге. Заинтригованный Ванюша, любивший наблюдать за интересным действием, сунулся было ближе, но пожилой брандмейстер грубо оттолкнул его в сторону.

– Отошли посторонние! – рявкнул он, и Ванюша, пожав плечами, отступил, успев заметить, как руки с растопыренными пальцами протянулись вперед и почти выдернули из пожара женщину, которая выскочила на безопасное место стремительно, как ядро из пушки.

Появившийся следом мужчина чуть промедлил, и на его голову со страшным, словно взрыв, треском упала переломленная балка. Ожесточенным роем взвились искры, толпа ахнула; мужчина упал как подкошенный, а невредимая женщина, скакнув в сторону, стянула с головы черный от сажи платок, которым закрывала рот и нос. Круглое закопченное лицо сверкнуло облегченной улыбкой, и погорелица задышала, хватая воздух испачканным ртом, как рыба, вытщенная из воды. Она была в шоке и даже не обратила внимания на своего спасителя, который корчился на земле и стонал:

– Больно... больно... глаза!.. Пропади пропадом, глаза жжет!..

К нему, смыкая человеческое кольцо, подбежали с разных сторон люди; кто-то наклонился посмотреть, кто-то захопота над раненым со знанием дела. Ванюша еще потолкался для виду среди толпы, которая уже устала от впечатлений, – поспрашивал у очевидцев, кто пострадал, есть ли еще жертвы, и, решив, что получил достаточно сведений, отправился домой. Вечер все равно был испорчен.

Он занимал комнату в бывшей квартире банковского управляющего, который укатил за границу еще до революции, с первыми залпами германской, – на втором этаже благообразного дома, украшавшего главную улицу. По бокам от Ванюшиной комнаты обитали еще два соседа, а гостиную с кабинетом занимал лично товарищ Штосс.

В комнате было душно. Палевая бабочка зашуршала крыльями под зажегшейся лампой. Ванюша открыл окно, и с улицы донесся несильный, но тошнотворный запах гари, тронутый акцентом навоза. Где-то скрипели колеса, невидимые копыта постукивали по брусчатке, натужно фыркала лошадь. Квартира спала – товарищ Штосс укладывался рано, требуя от обитателей уважать его потребности и соблюдать здоровый режим. Ванюша собрался ложиться, но в прихожей затренькал звонок и раздались визгливые, запальчивые голоса. Мужской принадлежал Ванюшиному соседу, Константину, а женский Ванюша не узнал, но он в любое время не привечал гостей, а сейчас тем более никого не ждал, поэтому лишь философски удивился, считая, что неурочный визит его не коснется, – однако в дверь постучали, и недовольный Константин, просунув голову в проем, уставился на Ванюшу матовыми глазами.

– Это к вам, – сообщил он скрипучим дискантом, раздувая иконописные ноздри.

Дверь, которую он аккуратно придерживал, распахнулась от хорошего пинка, и в комнату влетела взволнованная женщина, в которой Ванюша узнал Асину подругу, учительницу младших классов Евгению Федотовну.

– Я знаю, – выпалила она, и Ванюша отдернул руку, гнушаясь прикосновения влажной и горячей ладони. – Ты видел, Асе не почудилось, правда?

Константин, покоробленный этой бесцеремонной сценой, исчез, и тогда только Ванюша, который с первых слов догадался, о чем его спрашивает склонная к беспричинной эйфории, недалекая Евгения Федотовна, хмуро буркнул в ответ:

– Я не видел... обозналась она. Как это может быть? Фантазия.

– Нет, нет! – Евгения Федотовна тряхнула головой и, дрожа от восторга, заходила по комнате взад-вперед. Каблучки ее изношенных ботинок щелкали по сухому банкирскому паркету, а не видящие ничего, как у глухаря на току, глаза горели безумным огнем. – Я знала, что он жив. Он скрывается. Конечно, конечно!

Она хрустнула пальцами с грязноватыми ногтями.

– Зачем? – непонимающе спросил Ванюша. Он не брал в толк, зачем знаменитый, прославленный на всю страну поэт прячется от кого-то за официальным некрологом, когда его – анфас и в профиль – знает по всем городам и весям молодой советской республики каждая собака.

Евгения Федотовна, от которой Ванюша увертывался, как мог, хватала воздух, вхолостую стискивая и разжимая кулачки.

– Я знала, он скрывается. Его преследуют, ему угрожает суд – интриги, интриги. – Она посмотрела оторопелому Ванюше прямо в глаза – в испуге, как в церкви смотрят на образ, не требуя ответа. – У таланта всегда враги! Его надо найти, найти!..

Она еще говорила, захлебывалась словами, брызгала слюной, а Ванюша, который сторонился припадков экзальтации и ни в какой степени не разделял восторга Евгении Федотовны, думал только, как бы скорее выставить ее за дверь, пока этот вдохновенный бред не услышали его здравомыслящие соседи по квартире. Одного соседа он исключил – знал, что облеченный властью и снабженный представительным мандатом Севастьян уехал за город по важному делу. Невозмутимый товарищ Штосс никогда не вникал сквозь стенки в жизненные перипетии квартирных обитателей, но всякий раз оказывался подозрительно точно осведомлен о том, что с ними творилось. Что касалось Константина, служившего в милиции, Ванюша нередко поражался его исключительному чутью – и не хотел лишний раз объяснять соседу, что наивная учительница, бесперечь витавшая в облаках, нечаянно ухватилась за надежду, что с поэтами – баловнями судьбы – не случается ничего плохого.

С трудом Ванюша все же выпроводил Евгению Федотовну за дверь.

– Если он во второй раз умрет, я не вынесу, – тихо сказала она, когда он почти выталкивал ее за порог, – и Ванюша, толстокожий и мало восприимчивый к посторонним бедам, вздрогнул от трагической серьезности ее голоса.

Заперев за Евгенией Федотовной, Ванюша, озабоченный инцидентом, еще постоял, сторожа недовольные звуки и слушая, что происходит в потревоженной квартире. Потянув механизм со скрежетом, слабо и мелодично прозвонили банкирские часы, которые стояли в прихожей. В комнатах товарища Штосса было тихо, в остальных – тоже. Ванюша отправился к себе по коридору, вздрогнув, когда рядом с ним возник Константин, умевший двигаться по певучему полу с расколотыми паркетинами беззвучно, словно кошка.

– Были на пожаре, Ванюша? – проговорил он.

При виде его белоснежной, всегда безупречной, хоть и простой рубахи Ванюша застылся своего зачуханного вида.

– От вас ничего не скроешь, – пробурчал он.

Константин с достоинством кивнул.

– У меня зоркий глаз. Можно сказать – абсолютный глаз. Знаете, у музыкантов бывает абсолютный слух... а у меня зрение. Это профессиональное – я же был портным. Я с ходу замечаю, если что неправильно... это кричит, как кривой шов на платье.

– Что же вы увидели? – спросил Ванюша, оглядывая руки и высматривая на них пятна от угля или пепла.

Константин помедлил с ответом. Казалось, он получал удовольствие от Ванюшиного конфуза.

– Ничего, – проговорил он наконец, выдержав эффектную паузу. – От вас гарью пахнет. Как от меня. Я тоже там был – пришлось... – Он помолчал. – Один человек сильно пострадал. Ожоги... особенно лицо. Спас женщину – она в камере сидела... конвойные сбежали и забыли про задержанную. Мерзавцев надо под трибунал. Даже странно, что ожоги на лице. Если бы не героический поступок, подумали бы, кто-то с намерением внешность испортил, чтобы не узнали... его в больницу отвезли.

– Вряд ли кто-то с намерением сунет голову в пламя, – усмехнулся Ванюша.

– Смотри что на кону, – быстро и негромко, шурша складками рубахи, словно летучая мышь, возразил Константин. – Диву даешься, на какие экстраординарные вещи решаются люди... с расчетом на куш. Ведь там поджог, Ванюша, – я сразу понял. Толковали, мол, сторож лампу разбил... нет, это, знаете ли, не лампа.

Ванюша кивнул, давая понять, что разговор закончен.

– Я у вас видел книгу, – с еле заметным и странным усилием сказал ему вслед Константин. – Вы выходили с ней на кухню. Стихи. Не могли бы мне одолжить?

– Не моя, – ответил Ванюша, не оборачиваясь. Ему, вспомнившему, о какой книге говорит Константин – по странному совпадению, стихи знаменитого русского поэта, о котором плакалась Евгения Федотовна и о котором сокрушалась бесхитростная Ася, напрасно пестовавшая в кавалере вкус к прекрасному, – не понравилось, что Константин вернулся к скользкой теме, которая из-за недавнего, с трудом похеренного скандала была Ванюше неприятна, и он заподозрил соседа, что тот шпионил у косяка – или приходилось признать, что у Константина такой же обостренный слух, как зрение и обоняние. – Из библиотеки... мне девушка давала, я вернул ее уже.

И, отдаляясь от скользкого шелеста «жалъ...», он пошел к себе в комнату, где тяжелые – словно литые – бархатные шторы на окнах складывали в темноте причудливые фигуры, вытаскивавшие непровольные страхи из таких глубин подсознания, что Ванюша, не слишком впечатлительный по натуре, часто вздрагивал, натываясь взглядом на эти диковинные конфигурации. По ночам его комната с обилием линий, рельефов и орнаментов казалась ему зловещей пещерой – логовом неприятельского божка с изысканным, порочным и насмешливым нравом. Поэтому он поспешил к окну, задернул пыльные, отдающие тленом полотна и вдруг, замерев от мороза, сковавшего позвоночник, в безмолвии, которое не нарушали звуки сонного города, понял, что в его комнате кто-то есть.

Но если занавесочные призраки обычно пугали Ванюшу абстрактным дискомфортом, то теперь на него свалился не отвлеченный испуг, а очень конкретное, унылое и омерзительное чувство, занывшее и засосавшее в желудке и грозившее вот-вот вывернуть внутренности наизнанку. Источник был понятен – Ванюша обернулся к углу, из которого исходило злобное свистящее дыхание. Некто сидел в резном банкирском кресле, едва угадываясь в комнатном мраке, и лишь золотистые локоны, на которые как раз падал луч из щели, рассеивали вокруг головы тусклый свет.

Эти маскарадные, словно бутафорская корона, кудри не обманули Ванюшу, который тут же, печенками узнал ночного гостя – знакомого по прошлой жизни, – хотя тот, воплощение аристократического тона, фиксировался в его памяти как антитеза цыганского балагана и как противоположность любой вульгарности, в которой возможны подобные парикмахерские экзерсисы.

– Что ко мне?.. – выговорил он одеревенелым языком, который вдруг перестал слушаться хозяина.

– Не рад меня видеть? – негромко, но отчетливо сказал гость.

Ванюшины глаза привыкли к полумраку и сосредоточились на вытянутом лице с высоким и бледным, как мрамор, лбом и болезненной ниткой капризного рта.

– Доверять никому не могу, вспомнил про старого приятеля, – ответил гость, пересыпая слова картавым пришепетыванием. – Кому-кому, а тебе сто лет не нужно, чтобы новые хозяева узнали о твоём тухленьком прошлом.

– Нет прошлого, – пробормотал Ванюша. – Я чист перед советской властью... у меня крестьянское происхождение, я из угнетенного класса.

Гость негромко и недобро рассмеялся кашляющим смехом – словно собака зафыркала, выбравшись из воды и отряхиваясь во все стороны.

– Угнетенных, как ты, советская власть не жалуется, – сказал он. – Она привечает трудящихся, а не банную плесень вроде тебя. Кто был ничем, тот станет всем – от нуля к бесконечным величинам. Но ты стартовал не с нуля, а с нехилого минуса. Такую дрянь, как ты, любая держава отрывает. Что из тебя за трудящийся? Как не было пользы, так нет! – Он стукнул ладонью по лакированному подлокотнику кресла. – Дорвался до паршивенькой роскоши... последнего сорта. Ничего-то вы, сволочи, в роскоши не понимаете. Видели издали у лакеев

побогаче... нахапала и гниете в грязи, как свиньи. В России теперь каждая мразь нахапала, награбила, барахтается на руинах и смотрит гоголем...

– Что тебе надо? – выговорил задыхающийся от бессильного гнева Ванюша. – Чекист в соседях, услышит.

Гость тихо скрипнул зубами.

– Правильно, что подсекают тебя у замочной скважины, – сказал он отрывисто. – Не трясись, уйду, ночевать не буду – дела. Надо поковыряться в разлагающемся трупке отечества. Хоть и противно, а на время в черти записаться: начало ярко положено, с огоньком. – Он поднес обшлаг рукава к породистому, с горбинкой, носу. – От меня серой пахнет. С волками жить – по волчьей выть... еще поквитаться бы, но не до того. Тетке Росляковой дом в Баландине спалили еще в девятьсот пятом. Какое было имение! С мужичками, помню, носилась, как дурень с писаной торбой – лечила, носы сопливые детишкам вытирала, прогрессивные статейки зачитывала лапотникам, чуть не мух отгоняла – они первыми ей красного петуха пустили, бога не побоялись. А стало быть, и мне расплатиться не зазорно.

Ванюша притерпелся к запаху пожара, но теперь ему навязчиво карябали ноздри гнилой чад и копоть, волнами исходившие от гостя.

– И... зачем это?.. – Он вскинул руку и изобразил круговое движение у уха, словно гонял комара.

Гость противно рассмеялся. Потом стащил что-то с головы, и свечение погасло.

– Парик, – сказал он. – Позаимствовал у актриски – маскировка. Все же беспамятные, когда долги отдавать, а тут как на грех кто-нибудь узнает.

Услышав деловые, лишенные абстрактной риторики слова, взволнованный Ванюша посерьезнел.

– Бросаешься в глаза, – сказал он озабоченно. – Устроил ажиотаж, и до меня дошло... тебя приняли за известного поэта. Женщины в истерике бьются – одна только что ко мне прибежала. Умоляла разыскать его – тебя, то есть...

Ночной гость нахмурился.

– За кого же?

Ванюша с трудом выговорил:

– За Есенина.

Гость презрительно хмыкнул.

– Хоть бы за Блока. Тоже кудрявый. – Он вздохнул. – Господи, и жизнь у вас хамская, и поэты хамские. Нормальных, талантливых – забыли. А впрочем... – Он качнулся в кресле и стукнул длинными пальцами по подлокотнику. – Это удачный ход. Из истеричных хамок легко веревки вить... пригодится. Не грех попользоваться швалью. Одна незадача – с творчеством паскудным я не сильно знаком. Придется зазубрить пару виршей, наплевав на отвращение.

Он помолчал, подумал и продолжил.

– Правильная мысль. На Блока-то я не потяну. Непросто гением прикидываться... а тут выпил стакан, выкинул фортель, и все поверили. А ты – слышишь – достанешь мне книгу. Раздобудь, где хочешь. Я должен знать, – он усмехнулся, – чего накропал – угодишь еще впросак. Теперь покорми меня – я знаю, ты жрать любишь, у тебя есть.

Ванюша поопасился идти на кухню, чтобы пронизательные соседи, переполошенные криком, который подняла Евгения Федотовна, не заинтересовались, отчего в квартире до глубокой ночи нет покоя. Он достал из шкафчика кусок серого хлеба, шматок сала, огурец, и гость набросился на еду. Оцепеневший хозяин ждал, когда пришелец насытится, так уныло, будто его приговорили к смерти и непременно казнят, как только палач закончит трапезу. Убирая обратно, за призматические стекла мебельных дверей пустую тарелку, он уже не чаял, что его кошмарный сон прекратится, когда почувствовал спиной холодный воздух. Что-то беззвучно

изменилось. Глотнув ночной свежести, словно измученный жаждой – ключевой воды, Ванюша обернулся и увидел, что комната пуста. Гостя не было, и только откиннутая штора с медленно покачивающейся бахромой и неколебимыми, словно свинцовыми кистями свидетельствовала о том, что гость не растворился в воздухе. Онемевший, ослепленный, убитый Ванюша прикипел к полу. Прошла невыносимая минута, пока он справился с собой, усмирил взбаламученные мысли, подполз к окну на негнущихся ногах и выглянул на улицу. За окном была тяжелая, как кисель, мутная темнота – густая, хоть режь ножом.

Если бы не пустая тарелка с огрызком огурца, Ванюша подумал бы, что разыгравшуюся сцену вызвал в его мозгу угарный дым, которым он надышался на пожаре.

Трясущимися руками Ванюша захлопнул окно, дребезжащее от его тремора, защелкнул все шпингалеты и бросился на кровать, втискиваясь в ее скрипучие пружины, словно в укрытие. Скоро под потолком с лепниной опять сделалось душно, от одежды еще пахло гарью, и Ванюше казалось, что ненавистная мебель выдвигается на середину комнаты, а люстра с погаными грибами плафонов спускается все ниже и вот-вот обовьет его горло бронзовым ободом. Он метался в постели, но скоро понял, что не заснет. Голова наливалась тяжестью, и что-то больно давило изнутри на переносицу. Ванюша не выдержал – встал, пошатываясь, и открыл окно. С улицы ударил ночной холод, задул сквозняк; где-то во дворах хлопала на ветру вывешенная сушиться простыня, и полусонному Ванюше казалось, что это бьют крыльями хищные птицы, которые кружат над домом, высматривая жертву, и что сейчас стая убийц влетит прямо в окно. Капель забарабанила с крыши; если обычно Ванюше хорошо спалось в дождь, то сейчас каждый удар по желобу ранил его воспаленный мозг, и подушка, под которую он забрался с головой, колола его перьями, но не спасала от напасти.

Всю ночь Ванюша провалялся в странном и ядовитом кошмаре. Под утро, когда во дворах прокашлялись петухи и в окно просочился илистый рассвет, он не выдержал и, прыгая на цыпочках по распевному паркету, выскочил из квартиры, выбежал из дома и рванул прочь по безлюдным улицам с особняками и узорчатыми оградами. Ветер стих, темнота без осадка растворялась в воздухе, насыщенном моросью, бледные стены богатых зданий медленно сгущали очертания, словно всплывая из омута, и наливались оттенками: пирожная глазурь, морская пена, топленое молоко. Потом Ванюша выскочил из приличного центрального района на окраину, свалился с залитого росой косогора к реке и в панике побежал вон из морового города, куда глаза глядят. Избы окутывал зябкий туман, и на улицах еще не было ни души. У запаренного Ванюши сдавило дыхание; он остановился. К стуку сердечной пульсации добавился приглушенный топот, и навстречу, лениво перебирая ногами и покачивая понурой головой, выехала из тумана пегая лошадка, тянувшая телегу с тремя седоками; в одном Ванюша узнал соседа-чекиста, который накануне, в жуткий вечер, по счастью отсутствовал в квартире, потому что был услан куда-то по важному делу.

– Что, Ванюша, загуляли с ночи? – спросил Севастьян, ничуть не удивляясь. Его неподвижные бородатые попутчики молчали, как статуи. – Садитесь, подвезу.

Желтые, глубоко посаженные глаза прокололи встречного знакомого насквозь, как коллекционную бабочку. Ванюша, у которого подламывались ноги, покорно влез на телегу. Он никогда не возражал сухонькому Севастьяну, которого, казалось, легко было хворостинной переломить – особенно такому ражему детине, как он. Возница дернул поводья, и меланхолическая лошадь потянула повозку в гору.

– Хорошо вам, – протянул Севастьян. – Вольный вы человек. А я круглые сутки на посту. Везу субчика из Баландина. – Он кивнул головой на хмурого мужика, который по уши закрылся поднятым воротником куртки. – На торжественное захоронение.

– Имел бы совесть, товарищ, – буркнул мужик. – Самая работа, а ты на безделье дергаешь.

– Несознательный элемент. – Севастьян весело и злобно подмигнул желтым глазом. – А еще председатель сельсовета, про совесть вспоминаешь. Вас бы перестрелять каждого вто-

рого. Кто зверски убил Степу Горшкова? Я бы вас не щадил – но советская власть добрая, снисходительная... так вы даже от последнего долга замученному герою отлыниваете... прощения попросить над святой могилой не можете...

– Поклеп, – буркнул мужик. – Говорили же следствию: это Миня Прохоров, а на людей нечего...

Севастьян кивнул.

– Ваш Миня Прохоров – конечно, элемент, – проговорил он глумливым речитативом. – Только Мини-то Прохорова в деревне не было.

– Поклеп, – бесстрастно повторил мужик.

Телега скрипела и покачивалась, немилосердно пытая кружащуюся от бессонницы Ванюшину голову. Комок тошноты вздрагивал у горла.

Сливовая мякоть мокрых облаков сгустилась над окраинной улицей. По сторонам нудно тянулись обрыдлые дома, крыши, светелки, наличники, ворота, покосившиеся заборы. Над призрачными крестами вилась воронья стая – словно кто-то высыпал в небо черный пепел из печного зольника. В лужах, растекавшихся по дорожной глине, отражалась взбитая вата. Ванюшу еще трясло. Инфернальный страх, который он испытал в присутствии ночного гостя, не рассеялся с появлением вполне земного, далекого от потусторонней мистики Севастьяна. Скорее беглец чувствовал, что попал из огня в полымя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.